

Т. М. СВИНИНА

**Обучение
персонифицированное
и неперсонифици-
рованное**

Глобальная сеть Интернет стала неотъемлемой чертой информационного пространства культуры постмодерна. Возможности ее использования настолько безграничны, что она сразу стала использоваться во всех сферах жизнедеятельности человека. В Интернете общественное пространство вторгается в зону личного; индивидуальное расширяется до объемов универсума; стираются границы между внешним и внутренним пространством. С развитием глобальной сети Интернет все больше пользователей оказываются охваченными ее паутиной. Не удивительно, что современное образование активно использует информационные технологии.

Однако обучение с помощью этих технологий имеет существенный изъян. Значительная часть информации, посылаемой обучаемому, безымянна. Здесь возникает теоретическая проблема, которая требует существенной проработки. Какой вид информации более эффективен — персонифицированный или неперсонифицированный? Можно ли довериться безличным сообщениям? Как преодолеть недочеты информационных технологий?

На экране телевизора известный артист. Он читает сатирическую миниатюру. Вы смеетесь, потому что сознание дорисовывает образ веселого, остроумного человека, подмечающего в жизни такие смешные, уморительные детали. И вот на экране побежала надпись. Оказывается, артист читал не собственную миниатюру, а чужую, написанную профессиональным писателем. Образ раздваивается. Сознание начинает раздваиваться от полученной информации. Никнет и впечатление. Нет, не зря, видимо, Аркадий Райкин держал Жванецкого и других авторов своих миниатюр в тени. И в сотворе-

нии собственного имиджа добился успеха.

Вы слушаете лекцию, и она чарует вас. Какая смелость мысли! Какая эрудиция у этого, кажется, вовсе еще не пожилого профессора! Какой светильник разума! Ей-богу, вы немножко влюблены. Но вот придя в библиотеку, вы вдруг обнаруживаете, что все замечательные мысли профессор взял из чужого источника. Образ мудреца меркнет, остается горечь. Но если вдуматься: вы получили ценную информацию, какая разница, каким путем она пришла к вам, через напечатанную страницу или через «озвучившего» ее профессора?

Разная бывает информация. Одна закреплена за личностью, другая вроде бы ничья, как кошка, которая гуляет сама по себе. Не важно, кто сказал «мяу!» Передано — и баста. Какая разница, кто сообщил? Не лучше ли просто осознать, что при этом происходит некое приращение знаний... Однако, вот парадокс — против такой безымянности протестует все мое существо. Не «мяу» меня волнует, а конкретная кошка.

Мы бессознательно пытаемся придать сообщению статус персонифицированности. Скажем, я рассказываю о приключении в железнодорожном вагоне, какие там кошмарные события разыгрались. «Родственники моей жены работают в министерстве железнодорожного транспорта. И вот, так у них...». А родственница-то тут при чем? Давайте сразу по существу! Нет, сразу нельзя. Сначала надо сослаться на очевидца, на осведомленное лицо, на кума, наконец.

Студент тоже не простак. Он любит, когда понятно откуда дует ветер. Допустим, имеется некое сообщение: «А равняется Б» и нужно донести его до сведения обучаемой аудитории. Как это сделать с наибольшей

убедительностью? Допустим, пришел староста группы и написал формулу на доске. Но другое дело, когда это заключение принадлежит профессору. Информация авторитетна, потому что принадлежит ученому.

«Существует информация, — пишет социолог О. И. Чечин, — которая важна для нас сама по себе, независимо от лица, от которого она исходит. Так, справляясь по телефону о времени, мы, как правило, не обращаем внимания на стертый, механический голос автомата. Точно так же нас редко интересует, что за человек водитель автобуса, объявляющий остановки, или стюардесса, напоминающая нам о необходимости пристегнуть ремни. Без преднамеренного интереса не задумываемся мы и о личности информатора на стадионе, когда он сообщает, кто и на какой минуте забил гол, или диктора, читающего анонс предстоящих передач. Информация в таких случаях обезличена»¹.

Правильно ли подмечено? В основном, да. Но только в основном. В принципе обезличенной информации не существует в природе. Мы сами ее персонифицируем, когда в этом возникает потребность. Стертый, механический голос; бесстрастная служебная табличка... Например, такая: «Выхода нет». А вот английские психологи установили, что надпись в лондонском метро, воспринималась иными как авторитетное указание на... безысходность жизненной ситуации. В бесстрастной табличке угадывался какой-то inferнальный смысл. Табличку заменили, написали: «Выход рядом». Ну, вот, это совсем другое дело! Статистика самоубийств резко пошла на убыль...

Теперь водитель автобуса. Я к нему конечно, совершенно равнодушна. Какое мне дело, собственно, до этого случайного человека? Объявляет остановки, и все... А в подсознании все-таки подмечаю: «Веселый какой-то, балагур. Про что он там? Ах, это... Отсутствие мелкой монеты не может служить оправданием... Так я тебе и поверила. По твоему голосу можно подумать, что иногда все-таки может... Да тебе на билеты наплевать. Говоришь ты об этом просто так.

Для поддержания беседы... Такой уж ты человек...».

Словом, персонификация все-таки рождается. Только не явная, не отчетливая. Мне пока этот водитель не очень интересен. Но только представьте себе, что с нашим автобусом случилось криминальное происшествие. Милиция всех расспрашивает: «Что вы думаете о поведении водителя?». Ну тут уж дайте мне слово, я все порасскажу... А на каком основании? Да ведь я всю дорогу слушала его голос, объявляющий остановки. Неужели мало? Он у меня весь как на ладони...

Информация всегда не отторжима от личности. Но ведь уже сказано: мы живем в эпоху массовых информационных потоков. Рождается новая цивилизация, где коммуникационная связь создает все условия для жизнеобеспечения человека. Вы, стало быть, сидите дома у дисплея и запрашиваете на свой домашний экран любые сообщения, любые заказы. И вот они являются к вам, как бы освобожденные от конкретных носителей. Какое вам дело до персонификации? Информация как таковая... Не придет ли век обезличенных сообщений?

Как бы не так! Вы решили, что ваш отпрыск завтра не пойдет в школу. И послезавтра тоже... Хватит. Эти догматики педагоги вам изрядно надоели. Словом, надо купить вашему несравненному комплект видеокассет по всей школьной программе. Пусть изучает физику, геометрию и потом эту ...голограммографию. (Не ищите в словаре слово, его я нарочно придумала, чтобы вы ощутили себя в компьютерном веке. Информация — пароль в грядущее).

Что у нас там на видеокассете? Ага, лекции по физике. Хорошо, даже отлично. Кстати, кто читает? Смотри-ка, лауреат Нобелевской премии из Аддис-Абебы... А это что же? Курс по голограммографии. Ведет профессор из Принстона. Все-таки плохо, что не лауреат. Не продешевить бы. А, впрочем, лицо одухотворенное, хоть и не лауреат. Такой долларов стоит. Эй, дитяtko, ступай погляди, каких я тебе педагогов искал...

Новая технология преобразует все стороны нашего бытия. Компьютеры и автоматы появляются там, где прежде складывались непосредственные контакты. Стало быть, и здесь нужна психологическая переориентация. Как бы ни развивалась компьютеризация, она не может устранить нашей потребности видеть живое, телесное существо².

Но откуда в человеке влечение к персонифицированной идее, сообщению, образу? Да ведь он сам по себе, вне других, имеет весьма смутное представление о себе. Вне общества себе подобных человек и не подозревает, что красив, умен, талантлив. Обо всем этом он узнает через других, поскольку рядом живут некрасивые, неумные, неталантливые. Отталкиваясь от них, он создает образ самого себя. И других тоже³.

Психика человека постоянно порождает процесс очеловечивания. На земле, в небесах и на море она усматривает присутствие живого человека. Вот почему, если исходить из общей антропологической теории, а не только из поиска наиболее оптимальных форм образования, нам постоянно нужен человек. Такова магия персонификации. Это вообще всепоглощающая страсть. Может быть, вообще глубинная человеческая потребность, некое универсальное свойство *Homo sapiens*.

Именно так. Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, оказывается, просто не в состоянии самостоятельно осознать назначение и смысл окружающего бытия. Он нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образцом. Впервые такого рода механизмы были рассмотрены в психологической концепции Фрейда, возникшей на основе патопсихологического наблюдения, а затем были распространены на «нормальную» духовную жизнь. Фрейд рассматривал идентификацию как попытку ребенка (или слабого человека) перенять силу отца, матери (или лидера) и таким образом уменьшить чувство страха перед реальностью⁴.

Современные исследования позволяют значительно расширить представление об

этом механизме. Мир человеческих переживаний чрезвычайно сложен. В основе таких эмоциональных состояний, как любовь, нежность, сострадание, сочувствие, ответственность, лежит нечто такое, что неизменно предполагает взгляд не только на самого себя, но и на других. Но ведь эти чувства по самому своему проявлению «открыты», «направлены» на иной объект. Следовательно, глубинная потребность человека состоит в том, чтобы постоянно видеть перед собой какие-то персонифицированные образцы.

В классическом психоанализе под идентификацией понимается самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом. Ребенок привязывается к матери, отцу или замещающим их лицам. Он хочет быть похожим на своих родителей, хочет стать таким же, как они. Благодаря процессу идентификации с любимым человеком происходит формирование собственного «Я» по подобию другого, взятого за образец подражания. В современной психологической литературе изучаются разные типы и формы идентификаций.

В процессе социализации человек соотносит себя не только с конкретными ролями, но и с особым рода персонифицированными представлениями, которые созвучны его собственным личностным ориентациям. Это могут быть, например, литературные герои, реальные исторические личности, «условные» социально-психологические или культурно-исторические типажи («романтик», «деловой человек», «сильная личность» и т. д.). Подобные идеальные образные конструкции, развертывание которых связано с интенсивной работой воображения, имеют для индивида ярко выраженную ценностную значимость.

У любого человека может происходить срыв духовной автоинтерпретации и замещение ее новой, фиктивной. Индивид, грубо говоря, перестает понимать, кто он такой и пытается выйти из тупика с помощью полужантаслической ориентации на образ, пришедший с экрана. Подросток, подражающий Штирлицу, студентка, неожиданно

воплотившаяся в вамп-красавицу, бомж, образовавший себя светским щеголем... Готовые стандарты нередко удовлетворяют психологические запросы людей.

По мнению Э. Эриксона, одной из основных координат идентичности является жизненный цикл. Он исходил из предположения, что не только до подросткового возраста индивид развивает предпосылки своего психологического роста, умственного созревания и социальной ответственности. Американский психолог вводит понятие «кризис идентичности». Каждый человек идет своим путем развития, переживает свои кризисы и находит их разрешение.

Любая стадия становится кризисом, поскольку начинающийся рост и осознание нового связаны с переменами в энергии инстинктов. Слово «кризис» Э. Эриксон употребляет так, чтобы выделить не угрозу катастрофы, а момент изменений, критический период повышенной уязвимости⁵.

Наиболее радикальные изменения, начинающая от глубин внутренней жизни и кончающаяся внешними ее проявлениями, происходят в самом начале жизни. Что можно считать наиболее ранним и наиболее недифференцированным «чувством идентичности»? Эриксон считает, что оно порождается встречей матери и младенца, дающей взаимное доверие и взаимное узнавание. Это во всей своей детской простоте и является первым опытом того, что впоследствии вновь проявится в любви, в способности восхищаться и что может быть названо чувством «благословенного присутствия», потребность в котором на протяжении всей жизни остается основой для человека.

Отсутствие этого чувства или его ослабленность может опасно ограничить способность переживания «идентичности», когда в подростковом возрасте человек может оставить детство и встретить взрослость и вместе с ней начать лично выбирать свои любовные привязанности. Каждая следующая стадия и каждый следующий кризис имеют определенную связь с одним из базисных стремлений человека по той простой причине,

что жизненный цикл человека и социальные институты развиваются одновременно. Между ними, как считает Эриксон, двойная связь: каждое новое поколение привносит в институты пережитки инфантильных потребностей и юношеского пыла и берет от них специфическое подкрепление своей детской витальности.

Американский психолог считал, что кризисы идентичности можно изучать по художественным творениям и оригинальным деяниям великих людей, которые смогли решить его для себя. Вездесущий хаос человеческого существования демонстрирует уникальные для данного периода решения. Но прежде чем погрузиться в клинические и биологические проблемы того, что в психологии чрезвычайных ситуаций называется спутанностью идентичности, нужно внести ясность в понятие «кризис идентичности».

В человеческой сущности есть многое, кроме идентичности, в каждом индивиде есть его «Я», есть центр сознания и воли, который должен трансцендировать и пережить психологическую идентичность.

Эриксон вводит еще одно значимое понятие — «психологический мораторий», под которым подразумевается отсрочка, предоставленная кому-либо, кто не готов принять ответственность или хотел бы дать себе время на подготовку к зрелой жизни. Под психосоциальным мораторием Эриксон понимает запаздывание в принятии на себя взрослых обязанностей. Каждое общество и каждая культура устанавливает определенный мораторий для своих молодых граждан. Для большинства из них эти моратории совпадают с периодом учения и тех достижений данного периода этапа жизни, которые соответствуют ценностям общества.

Мораторий может стать периодом краж и видений, временем путешествий или работы, временем потерянной «юности» или академической жизни, временем самопожертвования или веселых шуток. Большую часть юношеской преступности Эриксон рассматривает как попытку создания психосоциаль-

ного моратория. Но мораторий не требует того, чтобы быть пережитым сознательно. С другой стороны, молодой человек может ощущать себя вполне состоявшимся и только со временем узнать, что то, к чему он относился так серьезно, было всего лишь переходным периодом. Многие «выздоровевшие» делинквенты, возможно, чувствуют полное отчуждение от «глупости», через которую они когда-то прошли. Между тем ясно, что любые экспериментирования с идентичностью означают также игру с внутренним огнем эмоций и побуждений и содержат в себе риск попасть в социальную яму, из которой нет выхода. Бывает и так, что мораторий отсутствует: индивид слишком рано определился или его достижениям способствовали какие-то обстоятельства.

Эриксон проводит различие между понятиями «идентичность» и «идентификация». Лингвистически, как и психологически, идентичность и идентификация имеют общий корень. Идентификация — это психологический механизм, а идентичность — результат процесса уподобления. Американский психолог показывает, что ограниченность механизма идентификации становится очевидной

сразу же, как только мы предполагаем, что никакие детские идентификации, поставленные в ряд, не могут вылиться в нормально функционирующую личность. Психология полагает, что задачей психотерапии является замещение болезненных и чрезмерных идентификаций другими более желательными. Но, как и любое лекарство, «более желательные» идентификации должны быть полностью подчинены новому единому гештальту, который есть нечто большее, нежели просто сумма его частей.

Развитие информационных технологий делает проблему идентификации чрезвычайно актуальной.

¹ Чечин О. И. Личность ведущего на радио и телевидении // Информационный бюллетень Гостелерадио. 1979. №4. С. 40.

² См.: Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. М., 2001.

³ См.: Гуревич П. С. *Приключения имиджа*. М., 1991. С. 33.

⁴ См.: Фромм Э. *Бегство от свободы. Человек для самого себя*. М., 2004. С. 40.

⁵ См.: Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М., 1996. С. 105.